

УДК: 808

ЛИЧНОСТЬ ЯЗЫКОВАЯ, личность риторическая: детская речь и взрослые проблемы...

Александр Александрович Мурашов,
*профессор кафедры журналистики Гродненского
государственного университета им. Янки Купалы,
доктор педагогических наук, кандидат филологических
наук, Беларусь, e-mail: alexm55@rambler.ru*

«Всё зависит от концепции». Эти слова интегрируют размышления и открытия не одного человека, не одной эпохи. Привлекательное покажется безобразным, великое — малым, новое — банальным, если не подобрать подходящее обрамление, не «отрегулировать» взгляд и настроение человека, воспринимающего информацию, а с ней — некую интенцию, предписывающую или предостерегающую. Требования или запрет. «Искренне старайтесь смотреть на вещи с точки зрения вашего собеседника», — замечает Д. Карнеги¹.

Так, от редактора требуется смотреть на рукопись будущей книги глазами автора — и будущего читателя. Участник переговоров достигнет успеха, если «перевоплотится» в контрагента — и с его позиции увидит вопрос. Произведение художника обречено на неуспех, если он эмпатически не отождествит себя с будущим зрителем — и не посмотрит его «глазами» на создаваемое, тем верифицируя будущий процесс восприятия сказанного — и услышанного. Это объясняет, почему и военачальники перед сражением, и сыщики во время поиска «ключей» к запутанной истории пытаются «перевоплотиться» в противников и преступников, избегая однолинейности и односторонности при оценке дела.

¹ Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей... / Д. Карнеги. — Мн.: Беларусь, 1990. — С. 175.

- *риторическая личность* • *индивидуальный смысловой контекст*
- *апперцепция* • *детская речь*
- *коннотация* • *речевой формат*

Координатная система, в которой живёт человек, определяет его точки зрения; его суждения, поступки, самооценку. Так, теоретики архитектуры замечают: «Те, кто живёт с внешней стороны Садового кольца, отсчитывают центр от него. Те, кто обитает внутри Садового кольца, называют центром территорию внутри Бульварного кольца... Размеры центра оказываются относительными,

зависят от точки зрения»². Абсолютно всё человек воспринимает в контексте ранее услышанного, понятого, принятого — и никак иначе. К примеру, для одного из остановившихся возле подъезда жилого дома он справа; для его собеседника — слева, потому что они стоят, обратившись друг к другу лицом. Для жителя деревушки районный центр кажется крупным городом, а люди на улицах — толпой; далеко не так на тот же районный центр будет взирать приезжий из столицы, впервые появившийся в здешних краях.

Точно так же и в аудитории, к которой обращается говорящий, каждый будет воспринимать сказанное по-своему. Потому будущих ораторов учат, помимо прочего, подбирать оптимальный формат, позволяющий воздействовать на собравшихся. Зачастую этот формат не поддаётся какому-либо рациональному толкованию. Актёр кино не может выступать по радио. Кандидат в депутаты с одной и той же речью снискал любовь одной аудитории, но решительно не понравился другой. С. Моэм, создавший точное и невероятно глубокое исследование психологии актрисы, замечает: «Джулия попыталась удачи в кино, но не имела успеха; её лицо, такое подвижное и выразительное на сцене, на эк-

² Гутнов А.Э., Глазычев В.Л. Мир архитектуры: Лицо города / А.Э. Гутнов, В. Л. Глазычев. — М.: Молодая гвардия, 1990. — С. 200.

ране почему-то проигрывало...»³. Зависимость восприятия от концепции, от интенциональных ожиданий, часто генерируемых форматом, превращает исполнение каждой речевой структуры в сложный акт, в котором подсознательно сосредоточены не только знание самой речи, вербального акта, но и знание собеседника, а также ситуации диалогического взаимодействия.

Стандартные точность, ясность, логичность, краткость речи, её неперемные коммуникативные качества, безотносительные к психологическим особенностям восприятия, в речи влиятельной, риторической, обретают неперемную относительность — эти качества оказываются в индивидуальном личностном контексте воспринимающего. Языковая личность оказывается способной строить грамотное речевое поведение. Личность, называемая риторической, выстраивает такое поведение подобно потенциальному восприятию, выбирая оптимальный формат и потенцируя встроенность новой информации в концептосферу слушателя (собеседника), в его систему мнений и представлений.

Мы подошли к важнейшему для современной коммуникативной науки понятию риторической личности: это языковая личность, актуализирующая свои ресурсы и коррелирующая их с задачей действительности и влиятельности речи применительно к конкретной аудитории, конкретному слушателю, конкретным ожиданиям и формату. Превращение речи-семиотической системы в речь-искусство, осуществляющееся в рамках риторического дискурса, вовсе не нуждается в сложной метафорике и пантомимической внезапности; но всегда предполагает изучение личности слушателя (собеседника) и влиятельную публичную коммуникацию, построенную на понимании личностного окружения, в каком окажется сказанное (усвоенное), как апперцепируется, переплавляясь из услышанного (внешнего) в воспринятое

³ Моэм С. Театр / С. Моэм. Собрание сочинений. Т. 2. — М.: Художественная литература, 1991. — С. 452.

(внутреннее). Услышанная мысль неизменно встречает «веер трактовок», спотыкается о множество «внутренних форм», сообразуется с биографическими ретроспекциями и антиципационными векторами. «Ориентировка в личности собеседника является совершенно необходимым компонентом всякого целенаправленного общения, если то не носит полностью формализованного характера»⁴.

Риторическая личность отрицает (перерабатывает) стандартизацию, лежащую в основе вербально-грамматических и когнитивных концептов личности языковой. Вероятно, именно эту стандартизацию имеет в виду О.Э. Мандельштам: «Да, когда я говорю с кем-нибудь, — я не знаю того, с кем я говорю, и не желаю, не могу желать его знать»⁵. Риторическая личность исключает подобное незнание; но она не тождественна и личности, скажем, лирика, для которого главное, по словам поэта, — «желание удивиться своим собственным словам, плениться их новизной и неожиданностью»⁶. Для риторической личности на первом плане — как раз не говорящий (пишущий), а читатель, зритель, слушатель; не то, что сказано, а то, что и как воспринято.

Неоценимое поле деятельности риторической личности — интернет-тексты; разного рода лайки и комментарии, приглашения в сообщества и предложения дружбы — форма отклика, продолжающего речевое поведение субъекта и оценивающая его высказывания, актуальность и близость реципиенту. Личностно чуждое — останется без внимания; близкое, интересное — обретёт продолжение и некую рецепционную адаптированность. А главное — обращающийся к виртуальной аудитории упорядочивает не только собственный слог, но и формат, позиционируя собеседника оптимальными контекстами. Комментирование недавних событий, прогнозирование интересных целому сегменту интернет-аудитории векторов и трендов — факторы, позволяющие пишущему оказаться коммуникативным лидером. Интеллектуальное богатство, стилистическая нестандарт-

ность, умение подобрать действенный семиокод (формат) — факторы, способствующие преобразованию никому не известного блогера в риторическую личность, чей дискурс совмещает злободневность журналиста, выразительность литератора, глубину психолога, требовательность наставника. Но стоит информации блога утратить актуальность, а объективным событиям развернуться в совершенно другом направлении — ни о какой действительности речи быть не может, если не поменять формат сообщений, если не поддерживать диалог внезапной смелой тональности.

Важнейшее, что выделяет риторическую личность среди говорящих, даже говорящих грамотно, точно и логично, — апперцепирование, т.е. сопряжённость вновь прозвучавших слов с полученными прежде, также при их звучании, блоками косвенной информации, непременно оказывающимися «внутренней формой» прежних слов в их новом восприятии. Наиболее ясно такого рода апперцепция предстаёт при обращении к специфике детской речи. Так, 6-летний ребёнок, увидев ровесника, живущего в дальней части города, из-за чего они встречались один или два раза, — ощущает в памяти слово «выбросил». Видятся через неделю — тот же эффект: в памяти всплывает слово «выбросил», становящееся своего рода атрибутом нового приятеля. Почему? Оказывается, тот, когда они встретились впервые, на вопрос о том, где его лопатка, с гордостью говорит: «Я её выбросил». И через полгода, когда ситуация забылась, это «выбросил» появлялось в памяти вместе с образом паренька. «Олег», — уверенно сообщает 7-летняя девчушка, увидев на экране знакомого актёра. Но он играет Антона, да и зовут актёра Сергеем, чего ребёнок, скорее всего, не знает! Тем не менее — «Олег». Родители ничего не понимали — пока на экране вновь не появились кадры старого фильма, где он действительно играл Олега, однако дочь к этому времени была

⁴ Леонтьев А.А. Психология общения / А.А. Леонтьев. — М.: Смысл, 1997. — С. 202–203.

⁵ Мандельштам О.Э. О собеседнике / О.Э. Мандельштам. — Слово и культура. — М.: Советский писатель, 1987. — С. 53.

⁶ Там же.

10-летней, а родители, забыв о том, что привлекший её внимание 4 года назад актёр действительно «был» Олегом, недоумевали всё это время по поводу странного заявления ребёнка. Произнесённое и усвоенное слово «отсылает» к прежним контекстам и образным соответствиям — претендующий на звание риторической личности непременно учтёт возможные соответствия, стараясь целенаправленно воздействовать на аудиторию. «Мысль, с которой когда-то было связано слово, снова вызывается в сознании звуками этого слова», — пишет А.А. Потебня⁷. Синестетическое восприятие включает в систему аналогий слово, звук, зримый образ, вкус, запах — вспомним известное заявление М. Пруста о Балбеке и Флоренции! Говоря о правде чеховских образов, К.С. Станиславский отмечал, что эта правда «волнует своей неожиданностью, таинственной связью с забытым прошлым, с необъяснимым предчувствием будущего, особой логикой жизни, ...которая точно глумится и зло шутит над людьми, ставит их в тупик или смешит»⁸. Отыскать в слове возможные ретроспекции, возможные индивидуальные смысловые коды — непреложная задача риторической личности, чья речь, помимо стандартной ясности, т.е. семиотической понятности, должна быть обращена к возможным личностным нюансам и светотеням, соотносимым с этими словами у отдельных слушателей (реципиентов).

Слово — то, что сказано: вот позиция личности языковой. Слово — то, что воспринято: императив личности риторической. Нет сомнения: соответствие норме, грамотное согласование слов, соблюдение коммуникативных качеств — непреложные условия хорошей речи. Но и её, расплывчато именуемую «хорошей», вовсе не заботят следующие рецепционные и герменевтические векторы, обращённые к индивидуаль-

⁷ Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. Слово и миф. — М.: Правда, 1989. — С. 89.

⁸ Станиславский К.С. Моя жизнь в искусстве / К.С. Станиславский / М.: Искусство, 1983. — С. 230.

ному «я», контексты и форматы, ровно ничего не добавляющие к инвариантам грамотной речи. К норме. К стилю. К логике сказанного. Риторическая личность в оценке собственного речевого поведения, наоборот, исходит из факторов, индивидуализирующих речь как стандартный языковой код. Из актуальных и потенциальных личностных контекстов. Из способствующих и препятствующих восприятию форматов. Из соответствия или несоответствия сказанного личностным интенциям.

Слово всеобщее и семиотично: установка личности языковой. Слово индивидуально и психологично: заповедь личности риторической. Слово как речевая реализация «здесь — теперь — я» обретает в риторической личности смысл пространственно-временной монады, существенно расширяя персональность и темпоральность инвариантной лексической единицы, претендуя на модальность, сформированную абсолютно разными индивидуализированными контекстами и форматами личностной семантики в сознании каждого из воспринимающих. Расширение пространства слова происходит за счёт эмпатического соотнесения говорящего с адресатом, расширение времени — за счёт апперцепционных аналогий и ассоциаций.

Слово — «звук или комплекс звуков» (А.В. Калинин): определение личности языковой. Слово — многообразие интенций, ассоциаций, пресуппозиций, аналогий, модуляций, апперцепций, антиципаций: реальность личности риторической, обращённой к «внутренним формам», индивидуальным контекстам, коннотативным образованиям и герменевтическим прозрениям.

Это — различие между словом в столбце словаря и в художественном тексте. Между фотографией и картиной, изображающей тот же предмет. Между летописью и показом тех же событий на страницах исторического романа. Слово в словаре — эталон нормативности. Фотография куда точнее картины.

А летопись, с её точностью и верностью предмету, свободна от разного рода пристрастий. Противостояние универсальной объективности, заполненность личными смыслами и подтекстами — это и есть риторическое высказывание; и здесь не ставится вопрос о том, что лучше, что — хуже. Как известно, карта не тождественна территории. Территория — слово языковой личности; карта — слово личности риторической. Первое зависит от предмета. Второе — от концепции, от формата, от предшествующих факторов и presupпозиций.

Риторическая личность — это умение не просто пользоваться ресурсами языка, но и видеть их отражение в концептуальном мире собеседника, предвосхищая возможные когнитивные сбои. Снова обратимся к детской речи. Бабуля объясняет маленькой девочке:

— Тетя Катя идёт на работу.

— Тетя Катя! Скажите маме, чтобы она скорее возвращалась! — просит та.

Оказывается, для маленького ребёнка и школа, где работает мать, и библиотека, куда собирается соседка, «тетя Катя», — одно и то же место, обозначаемое словом «работа». Только с этой ремаркой становится ясна логика беседы. Всё зависит от концепции...

Мать просит маленького сына: «Нарисуй линию». Тот рисует. Рядом — ещё одну. И принимается изображать между ними что-то, напоминающее прямуюгольники. Мать удивлена. Ребёнок, в свою очередь, недоумевают, глядя на её реакцию:

— Я совсем-совсем не умею рисовать, да?

— Но я просила нарисовать линию...

А он знает одну-единственную — железную дорогу, которую «линией» титуловал отец. Вот он, уверенный в непогрешимости «взрослого» взгляда на вещи, изобразил рельсы, а ещё — шпалы. Всё зависит от концепции...

Родители со временем ощущают причины «семантических сбоев» и реликтов эгоцентрической речи (один из них — константность, когда слово имеет одно значение, указывая, как

оним⁹, на совершенно конкретный предмет). В основе смысловой адаптации к речи ребёнка лежит опыт понимания его индивидуализированных вербальных кодов. Но нет сомнения: говорящий никогда не сможет увидеть все подобные коды и коннотации у собеседника (слушателя); стремление их видеть, оснащая речь диалогическими структурами и уточняющими вопросами, — атрибут риторической личности.

«Мы выражаем внутренние интенции и эмоции, тем самым завершая их, так сказать, освобождаясь от них»¹⁰. Видеть за любой сказанной фразой такие интенции собеседника, направлять их, помещая слово в вербальные и невербальные контексты, — подлинное призвание «человека говорящего», относящегося к речи как к искусству и средству познания и пересоздания мира.

Факты детской речи, к которым мы обращаемся, служат никак не руководством к действию, а наиболее чётко воплощёнными индивидуальными смысловыми контекстами, способными внести ясность в то, как речь воспринимается, какие семантические ауры («вееры») она способна генерировать.

Бабуля, услышав вопрос о том, что значит «двоюродная», смотрит на двух кузенов — 5-летнего и 6-летнего, и обращается к младшему, имеющему репутацию рассудительного:

— Ты, например, где родился?

— Я на верёвке висел, — задумчиво отвечает тот.

Поперхнувшаяся бабуля с ужасом смотрит на него, пытаясь сообразить, что он

⁹ Оним — имя собственное, а также словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта среди прочих в том же классе.

¹⁰ Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность / О. Розеншток-Хюсси. — М.: Лабиринт, 1994. — С. 55.

имеет в виду; в это время 6-летний, привыкший все повторять за младшим, сообщает:

— Я тоже на верёвке висел...

Что они имеют в виду? Как быть ей? Потребовалось немало времени, чтобы вспомнить: когда они, тоже втроём, развешивали мокрое бельё на верёвках, подошла знакомая и, имея в виду своего нового внука, радостно воскликнула:

— Родился! Внук у меня родился!

Так слово «родился» впервые услышал младший из двоюродных братьев; это слово тогда же образовало в его подсознании крепкую ассоциативную связь со зрительным контекстом — бельём на верёвках. Вероятно, задай бабуля свой вопрос в другой форме, не воспроизводившей буквально полученный тогда сигнал («родился»), — ответ был бы совсем другим. Но как осуществилось «якорение», что послужило причиной странной аналогии? Дело в том, что младший из братьев, вероятно, слышавший слово, но не задумывавшийся о его смысле, именно тогда — в окружении сушащихся наволочек и пододеяльников —

услышал его необычное, эмоционализированное произнесение — и слово, генерируя целую картину, сохранилось в памяти. Слово, а не денотат! Знак, а не предмет, им названный! Всё зависит от концепции...

Ни одна риторическая личность не в состоянии почувствовать все хитроумные ассоциации с услышанным, как всем монологом, так и с отдельными словами. Но допускать существование неожиданных «концепций» в сознании слушателей, сообразно этому допущению выстраивая формат обращения, — атрибут именно риторической личности, вовсе не обязательный для личности языковой. Такой атрибут позволяет ощутить глубину слова, казавшегося обыденным, и расширить знаковое содержание безмерностью психологической перспективы. Ощутить — и антиципировать возможные коннотации, возникающие у слушателя, — чтобы сделать речевое поведение более целенаправленным и однозначным, способным воздействовать как на сознание, так и на подсознание воспринимающего, минимизируя уводящие от цели индивидуальные контексты... **НО**

Language Personality, Rhetorical Personality: Children's Speech And Adult Problems...

Alexander A. Murashov, Professor, Department of journalism, Grodno state University. Yanka Kupala, doctor of pedagogical Sciences, candidate of Philology of Sciences, Belarus, e-mail: alexm55@rambler.ru

Abstract. *The article reports on the possibility to distinguish a rhetorical personality from a linguistic personality as such. Characteristics of the rhetorical personality from positions of an individual semantic context are given. The examples of children's speech show what an individualized perception of a statement is and how it is desirable to build a speech taking into account it.*

Keywords: *rhetorical personality, individual semantic context, apperception, children's speech, connotation, speech format.*

Ispol'zovannyye istochniki:

1. *Karnegi D. Kak zavoyovyvat' druzey i okazyvat' vliyaniye na lyudey... / D. Karnegi. — Mn.: Belarus', 1990. — S. 175.*
2. *Gutnov A.E., Glazychev V.L. Mir arkhitektury: Litso goroda / A.E. Gutnov, V. L. Glazychev. — M.: Molodaya gvardiya, 1990. — S. 200.*
3. *Moem S. Teatr / S. Moem. Sobraniye sochineniy. T. 2. — M.: Khudozhestvennaya literatura, 1991. — S. 452.*
4. *Leont'yev A.A. Psikhologiya obshcheniya / A.A. Leont'yev. — M.: Smysl, 1997. — S. 202–203.*
5. *Mandel'shtam O.E. O sobesednike / O.E. Mandel'shtam. — Slovo i kul'tura. — M.: Sovetskiy pisatel', 1987. — S. 53.*
6. Там же.
7. *Potebnya A.A. Mysl' i yazyk / A.A. Potebnya. Slovo i mif. — M.: Pravda, 1989. — S. 89.*
8. *Stanislavskiy K.S. Moya zhizn' v iskusstve / K.S. Stanislavskiy / M.: Iskustvo, 1983. — S. 230.*
10. *Rozenshtok-Khyussi O. Rech' i deystvitel'nost' / O. Rozenshtok-Khyussi. — M.: Labirint, 1994. — S. 55.*